

АРХИТЕКТОР НИКОЛАЙ МАРКОВ (1883–1957): ПЕРСИДСКАЯ СУДЬБА РУССКОГО КАЗАКА

NIKOLAI MARKOV, THE ARCHITECT (1883–1957): RUSSIAN COSSACK'S PERSIAN LOT

© 2020 **Лана Меджидовна Раванди-Фадаи**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент кафедры истории современного Востока Факультета истории, политологии и права Российского Государственного Гуманитарного Университета (РГГУ); Москва, Россия; ravandifadai@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-7964-6335

Lana M. Ravandi-Fadai

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Assistant Professor, Department of History of the Modern East, Faculty of History, Political Science and Law of the Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia; ravandifadai@yahoo.com; ORCID ID: 0000-0002-7964-6335

С 10 апреля по 4 мая 2018 года в московском Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялась выставка, посвященная Николаю Львовичу Маркову — художнику-архитектору, ценителю Востока, выбравшему Иран своим домом после происшедших в России революционных событий XX века. По некоторым источникам, в Иране Марков дослужился до звания генерала Иранской армии, а затем с успехом занимался архитектурной практикой. Автор статьи и организатор выставки Л. М. Раванди-Фадаи повествует в

статье о выдающихся архитектурных решениях Н. Л. Маркова, демонстрирующих его талант, безграничную любовь к России и Ирану и уважение к разным культурам.

Ключевые слова: русские в Иране, архитектура Ирана, Восток и Запад в архитектуре, культурные связи между Россией и Ираном

Для цитирования: Раванди-Фадаи Л. М. Архитектор Николай Марков (1883–1957): персидская судьба русского казака. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 3–4. С. 345–359. DOI: 10.18254/S268684310012448-0

The exhibition dedicated to Nikolai L. Markov was held in the Moscow House of Russia Abroad named after Alexander Solzhenitsyn in spring 2018. Nikolai Markov was an artist, an architect, and connoisseur of the East who chose Iran as his home after the Russian revolutions of the 20th century. According to some sources, in Iran, he rose to the rank of General of the Iranian Army and then successfully practiced architecture. The author of the article, the organizer of the exhibition Lana M. Ravandi-Fadai analyzes here the outstanding

architectural solutions of Nikolai Markov, demonstrating his talent, love for both Russia and Iran, and profound respect for different cultures.

Key words: Russians in Iran, architecture in Iran, East and West in architecture, cultural ties between Russia and Iran

For citation: Lana M. Ravandi-Fadai. Nikolai Markov, the Architect (1883–1957): Russian Cossack's Persian Lot. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 3–4. Pp. 345–359. DOI: 10.18254/S268684310012448-0

С 10 апреля по 4 мая 2018 г. в Доме русско-го зарубежья имени Александра Солженицына прошла фотодокументальная выставка «Архитектор Николай Марков (1883–1957): персидская судьба русского казака» (Илл. 1). В основу легли собранные автором документы из Архива Министерства иностранных дел Исламской

Республики Иран, Государственного архива Российской Федерации, фотографии из личного архива автора, а также копии акварельных эскизов Николая Львовича Маркова.

В 1920–30-е гг. Н. Л. Марков построил в Тегеране несколько десятков знаковых сооружений, сформировавших городской пейзаж иранской

Илл. 1. (а, b, c, d). Фотографии с выставки «Архитектор Николай Марков (1883–1957): персидская судьба русского казака», состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына
Фото © из личного архива автора

Илл. 2. Здание Главпочтамта в Тегеране (1928 г.)

По: URL: <http://musulmanka.su/index.php/galereya/item/russkij-stil-6-proektov-arkhitekтора-nikolaya-markova-v-irane.html>

столицы: общественные здания, министерства, христианские церкви, заводы, частные виллы и многое другое. Хотя в России имя Маркова сейчас практически неизвестно, в Иране его помнят и чтут. На территории уникального сооружения — возведенной по его проекту **тюрьмы Каср** (Илл. 7,8) — в настоящее время устроен музей, где часть экспозиции посвящена нашему соотечественнику — человеку яркой судьбы, русскому зодчему, оставившему большой след в современном облике Тегерана.

МАРКОВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ВЫРАЖЕННАЯ В АРХИТЕКТУРЕ

Дорога на русское православное кладбище Тегерана, где покоится Н. Л. Марков, довольно долгая и утомительная. Раньше это кладбище располагалось далеко за городом, но сейчас его уже окружает столичный район. В воображении кладбище представлялось мне заросшим и неухоженным, с плотными рядами могил. Но все оказалось совсем не так — на этом месте я ощутила настоящее умиротворение. Видимо, недаром Русское кладбище примирило представителей русских казаков и белогвардейцев с революционерами и коммунистами, боровшихся друг с другом на иранской земле в начале XX в.¹

Одним из бойцов казачьей бригады был Николай Марков, выбравший Иран своим домом после революции в России. Несмотря на то, что по происхождению он был для иранцев чужеземцем, Марков помог сформировать городской пейзаж иранской столицы, построив немало прекрасных зданий: Министерство финансов, Военное министерство, Министерство юстиции, Медицинскую школу при Тегеранском университете, Педагогический колледж, Сельскохозяйственную школу, Главпочтамт (Илл. 2), фасад Итальянского посольства, представительство фирмы «Зингер» и многие другие, в том числе ряд жилых зданий. Возвел Марков также в Тегеране и ряд христианских церквей, например, Ассирийскую церковь на улице Форсат и Армянскую церковь возле посольства России. Но главной стала **русская православная церковь святого Николая в Тегеране** (Илл. 12), где он сам долгие годы был старостой. Более того, хотя Марков был православным христианином, ему доверили проектирование и строительство нескольких мечетей, в том числе Фахр оль-Доуле (она же Амин оль-Доуле) (Илл. 13).

Визитной карточкой Маркова как профессионального архитектора являлось сочетание древнего и современного, создававшее поразительное равновесие между актуальной на Западе архитектурой и иранской идентичностью —

¹ На Русском кладбище покоятся представители нескольких поколений русской общины в Тегеране, и, кроме того, сохраняются ассирийские, греческие, грузинские, болгарские, армянские и сербские могилы. Всего там захоронено около 1400 человек.

Илл. 3. Молодой Николай Марков

По: Дело канцелярии... л. 1

важным элементом идеологии государства Пехлеви, которую с почтением к прошлому Ирана пропагандировал **Реза-Шах** (1878–1944 гг.). Перед тем как строить здание, Марков непременно обращал внимание на специфику его месторасположения. Проектируя здания в Иране, архитектору было крайне важно учесть принципы исламской архитектуры и уже во вторую очередь — отдать дань стилю, повсеместно распространенному тогда в Европе. У Маркова получалось соединять противоположности: так, строя в 1934 г. **спортивный комплекс Амджидийе**, он стремился показать величие и торжество древнего Ирана, но в то же время использовал популярный стиль ар-деко.

Конечно, в начале века в Иране работали и другие иностранные и местные архитекторы, комбиниовавшие стили и техники. К примеру, французский архитектор **Андре Годар** (André Godard, 1881–1965 гг.). Тем не менее здания русского архитектора Н. Л. Маркова обладают уникальностью, являющейся не только показателем высокой степени архитектурного искусства, но и отражением его статуса изгнанника — **соче-**

танием родного с принятым. Ведь француз Годар мог вернуться на родину, а вот государства, в котором родился Марков, уже не существовало. Сражаясь с большевиками на иранской земле, он не имел пути назад, туда, где уже ничего не оставалось от страны, которую он потерял. Это состояние «изгнания» не могло не отразиться на работах архитектора, даже несмотря на условия контрактов, заказчиками которых зачастую выступало Иранское государство. Как чужестранец, полностью овладевший второй культурой, Марков предложил Ирану собственный архитектурный почерк: в его работах под нео-традиционным иранским стилем проглядывает классическое образование Маркова — специалиста по византийской и европейской архитектуре.

НИКОЛАЙ ЛЬВОВИЧ МАРКОВ:
НАЧАЛО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ

Н. Л. Марков (Илл. 3) родился 27 (28)² декабря (9 (10) января) 1882 г. в Тифлисе, в старинной русской семье потомственных дворян Курской губернии [Дело канцелярии... л. 2–3]. Тифлис

2 По данным Архива — 28 декабря, по данным семьи — 27-го.

в то время представлял собой интеллектуальное и культурное сердце Кавказа, координационный центр, собиравший культурную мозаику региона. Поэтому этот город не мог не будоражить воображение творчески настроенной молодежи и вдохновил многих соотечественников путешествовать дальше на Восток.

С ранних лет Марков выказывал большой интерес к искусству и архитектуре народов Кавказа и Закавказья, но Персия всегда привлекала его особым образом. Возможно, потому что по преданию один из предков семьи — Марк Волошеин (или Марк Росс-Толмач) был послом царя Ивана III при дворе персидского шаха Узун-Хасана (1425–1478 гг.).

Отец Николая, **Лев Львович Марков** (1837–1911 гг.), имел чин тайного советника, был кандидатом естественных наук и служил директором Тифлисской мужской гимназии, которую его сын с отличием окончил в 1901 г. Учебная программа в гимназии была строгой, классической и религиозной — с упором на греческий, латинский, французский и немецкий языки, на математику, естественные науки и географию, а также, конечно, на заветы Русской Православной Церкви — Закон Божий. В 1901 г. Николай Марков поступил на архитектурное отделение Императорской Академии Художеств (ИАХ), в мастерскую Л. Н. Бенуа, принадлежавшего к известной семье архитекторов и художников.

Еще будучи студентом ИАХ в Петербурге, Марков 9 февраля 1905 г. обратился к руководству Академии с прошением разрешить выехать за границу [Дело канцелярии... л. 44]. Его старший брат, Борис Львович Марков (1879 г. р.), работал тогда помощником в техническом бюро в должности инженера путей сообщений при строительстве железной дороги Тебриз – Джульфа в Тебризе, а также строил здание, размещавшее муниципалитет города Тебриза. По словам сына Николая Маркова, «отец искренне любил Персию и решил посвятить себя изучению ее культуры» (цит. по: [Раванди-Фадаи, 2014, с. 106]).

24 августа 1907 г. Н. Л. Марков обвенчался в Екатерининской церкви при Императорской Академии Художеств с дочерью почетного гражданина города, домашней учительницей Людмилой Дмитриевной Горловской (1881–1973 гг.) [Дело канцелярии... л. 50–52]. У них родились две дочери: в 1911 г. Тамара и в 1914 г. Наталья. Закончив архитектурное отделение ИАХ, 22 мая 1910 г. Николай Львович получил звание архитектора-художника. Вслед за тем, пройдя военную службу, он поступил на Персидское отделение Академии восточных языков в Петербурге и окончил его в 1914 г.

Первая мировая война нарушила планы архитектора: он был призван отбывать воинскую повинность в должности инженерного кондуктора. Марков должен был вести наблюдение за постройкой военно-автомобильной школы на Семеновском плацу. С 1917 г. Николай Львович служил в Кавказской Армии в звании капитана инженерных войск³, был адъютантом командующего Кавказским кавалерийским корпусом генерала Николая Николаевича Баратова, с которым и уехал в Персию [Раванди-Фадаи, 2015].

К началу 1917 г. английские воинские части контролировали все южные провинции Ирана. Из числа царских войск самым крупным соединением был экспедиционный корпус под командованием генерала Н. Н. Баратова, отправленный в Иран в 1915 г. Хотя в августе 1916 г. корпус был вынужден уступить город Хамадан турецким войскам, к началу марта 1917 г. его удалось отвоевать у турок благодаря значительному подкреплению из России. В эти дни новость об отречении императора и февральской революции дошла до Тегерана. По словам историка С. М. Алиева, «политические перемены в Петрограде громким эхом откликнулись в политических кругах Ирана» [Алиев, 2004, с. 87] — появилась возможность восстановить автономию страны и избавиться ее от российского и британского вмешательства.

Ситуация для российских солдат в Иране ухудшилась молниеносно, особенно отразилось на

3 Был призван в чине прапорщика.

Илл. 4. Реза-Шах Пехлеви и Н. Л. Марков (второй ряд, шестой и седьмой слева) в Казачьей дивизии
По: Institute for Iranian Contemporary Studies. URL: http://iichs.org/index_en.asp

них положение рубля в Иране: солдаты даже не успели купить себе самое необходимое. Обеспечение экспедиционного корпуса англичанами стало нерегулярным, что внесло вклад в рост анархических настроений среди российских военнослужащих. Они за бесценок покупали продовольствие, зерно, скот, вьючных животных, а иногда просто реквизируют товары, устраивали погромы, пожары на рынках, грабили и бесчинствовали. Волна беспорядков прокатилась в Урмии, Казвине и других поселениях на севере Персии. Поддержка, обещанная англичанами, стремившимися перехватить российские силы, была спорадической.

В августе 1917 г. генерал Н. Н. Баратов направил срочную телеграмму главнокомандующему Кавказским фронтом: «Единственный выход из создавшегося положения — вывод корпуса из Персии. Нам никак нельзя закрывать глаза на создавшееся положение, грозящее дезорганизацией наших войск, вследствие неизбежных при таких условиях грабежей». Местные жители, отметил Баратов, больше не принимали российские деньги: «Без персидских денег здесь существование невозможно» (цит. по: [Алиев, 2004, с. 107]).

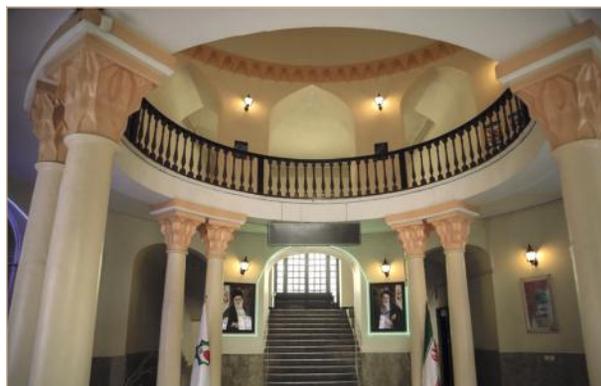
Во время гилянской революции⁴ 1920–1921 гг. Марков был уже капитаном, начальником Шта-

4 Благодаря поддержке кавказских и российских большевиков в Персии была создана Гилянская Советская Республика, просуществовавшая с июня 1920 по сентябрь 1921 гг.

Илл. 5. Одна из первых работ Маркова в Иране — основное здание Колледжа Альборз

По: Архив газеты «Ettelaat»

Илл. 6. Интерьер Колледжа Альборз

Фото © Л. Раванди-Фадаи

ба гилянских экспедиционных сил. В 1921 г. он демобилизовался и поселился в Тегеране, где активно принялся за архитектурную практику. Там он вновь женился⁵ — на уроженке Баку Вере Дмитриевне Буйновой (1902–1929 гг.). В этом браке у четы родились два сына и дочь: Лев в 1922 г., Татьяна в 1924 г. и Алексей в 1927 г. С этого момента и до конца жизни Николай Львович не прекращал заниматься архитектурной деятельностью.

Персия, любовь его юности, стала для Маркова второй родиной. Вначале он сражался за эту страну, а затем под энергичным руководством Реза-Шаха — в годы, когда строился современный Иран, — принял деятельное участие в возведении наиболее важных для страны объектов. Реза-Шах оказывал всемерную поддержку Маркову, ведь в свое время они вместе служили в Казачьей дивизии и испытывали друг к другу глубочайшее уважение (Илл. 4).

Соединяя в творчестве стилистику исламской архитектуры с ранними классическими формами, Марков оставался приверженцем исламской архитектуры и традиционных персидских методов строительства. Он отдавал предпочтение местным материалам: кирпичу, камню, черепице, штукатурке. Кирпич размером 20x20 см,

особенно часто использовавшийся в постройках Маркова, впоследствии получил в иранской архитектуре название «Аджоре Маркови», т. е. «кирпич Маркова».

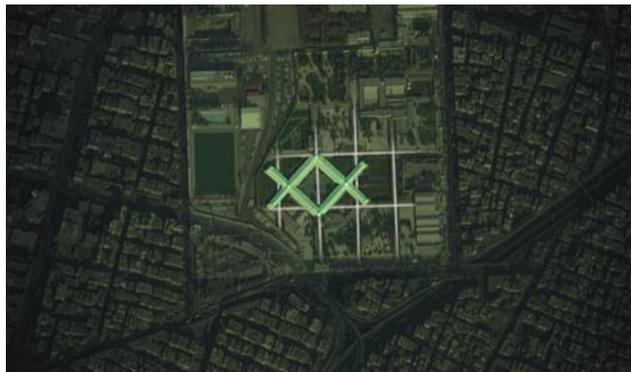
По словам сына, Николай Львович хорошо освоил раннеклассическую архитектуру, что привело его к созданию собственного творческого почерка. Созданный Марковым стиль безупречно гармонировал с традиционной персидской архитектурой. Пример тому — здания старого Муниципалитета, престижной школы Жанны д'Арк, или Альборз-колледжа (Илл. 5, 6), сахарорафинадные заводы Варамин и Карадж. Далеко не все ранние постройки Маркова были выполнены в восточном стиле: нередко по требованию заказчиков он обращался к канонам классической европейской архитектуры. В качестве примера приведем Певческую капеллу на улице Саади, первый выставочный зал в Тегеране с большими зеркальными окнами, здание итальянского посольства, дом Гарагозла в конце улицы Арбаб-Джамшид, дом Набави в Поле Руми. В конце 1930-х гг. Марков стал отдавать предпочтение современному функционализму и активно применять стальные конструкции, например, в архитектуре виллы Алексис и виллы Жувел в Махмудийе.

5 При этом остается загадкой, что именно произошло между Марковым и его первой женой Л. Д. Горловской, оставшейся в России. Документы о разводе найдены не были.

Илл. 7. Спутниковый снимок тюрьмы Каср и окружающей ее местности.

По: Google Maps

ТЮРЬМА КАСР

В начале 1920-х гг. новый режим Реза-Шаха Пехлеви начал рассматривать вопрос о строительстве большой тюрьмы. Каср должен был стать первой современной тюрьмой Ирана, основанной на более гуманистическом подходе к тюремному заключению. Тюремная архитектура была призвана отражать последние тенденции, развивавшиеся в Европе, Америке и России. В персидский язык даже вошел неологизм, отражающий новое отношение, — *nadamatgah*, или «место для покаяния». Его можно увидеть на архитектурных планах того периода, представленных в музейном комплексе, посвященном истории тюрьмы.

При планировке Касра в первую очередь собрали проекты уже существующих тюрем и тщательно рассмотрели их недостатки. В качестве инженера-архитектора пригласили Маркова. В 1925 г. представитель правительства Ирана был впервые приглашен для участия в Международном конгрессе по тюрьмам в Лондоне [Daniel, Shafei, Soroushiani, 2004, p. 92]. Помимо прочего, на Конгрессе обсуждалось, должны ли тюрьмы иметь собственные лаборатории или клиники для проведения «физических и психических обследований» [Butler, 1925–1926]. На основе проектов, рассмотренных на конференции, Марков составил план тюрьмы Каср, внося некоторые изменения. Тюрьма была оборудована большой клинкой из шести шести-

местных и 16-ти одноместных палат. Несмотря на рекомендацию о вместимости не более 500 заключенных, тюрьма Каср вмещала 800 человек и состояла из одиночных камер и камер на пяти-шести⁶ [Daniel, Shafei, Soroushiani, 2004, p. 92]. В соответствии с идеями реформы тюремных помещений, постройка также включала зур-ханэ («дом силы»), или традиционный иранский спортивный комплекс, место для прогулок, мечеть, госпиталь на шесть человек, поликлинику, баню, садик и двор.

Проект тюрьмы Каср не остался незамеченным. Вскоре после конгресса по тюрьмам премьер-министр Мохаммед Моссадык (1882 – 1967 гг.) высказался в Меджлисе и осудил большие расходы на строительство тюрьмы, назвав их пустой тратой денег: «Сегодня мы говорим, что хотим построить в этой стране все то же, что и в других странах. Где бы они ни находились, мы должны скопировать лучшие образцы, потратить двести тысяч туманов, чтобы места [заключения] наших разбойников были похожи на места [заключения] для их [разбойников]... А теперь я хочу спросить вас, господа, и особенно министра внутренних дел, возможно ли, чтобы мы понесли такие расходы, чтобы добрые люди этой страны, праведные люди этой страны, а также патриоты этой страны могли [жить так] же, как в других странах?» [Diba, 1986, p. 59].

Несмотря на критику властей, в 1928 г. строительство тюрьмы началось. Работы продолжались до 1931 г., но тюрьма начала принимать за-

6 Всего 192 камеры: 96 комнат на пять человек, остальные — одиночные.

Илл. 8. Фасад тюрьмы Каср.
Фото © Л. Раванди-Фадаи

ключенных уже со второго года строительства. Форма тюрьмы поражала геометричностью и даже получила название *хафт-о-шахт* (перс. «семь и восемь»), потому что расположение двух корпусов в форме цифр V и A напоминает комбинацию из этих элементов (Илл. 7). Симметрия была призвана дезориентировать потенциального беглеца. Тем не менее у макета *хафт-о-хаши* имелась и эстетическая мотивация, хотя сегодня ее трудно оценить, разве что с воздуха. Выбранное для тюрьмы место представляло собой широкий участок земли, на котором стоял охотничий домик Каджаров⁷ и сады, построенные в 1790 г. в годы правления Фатх Али-шаха (1797–1834 гг.). Марков, всегда внимательно относившийся к окружающей среде, изучил и принял во внимание планировку сада, на котором стоял охотничий домик [Sadeghi, 2013]. Каджарский сад образовывал сетку, в горизонтальный центр которой Марков вставил свой собственный геометрический рисунок — косой параллелограмм [Ravandi-Fadai, 2018, p. 218].

Фасад «Марковской» тюрьмы напоминает особняк эпохи Каджара (Илл. 8), так как внутренние детали были заимствованы из каджарской архитектуры. Фирменными стилистическими элементами архитектора являются стрельчатые арки окон и длинный величествен-

ный фасад. Остроконечные аркообразные окна и башни, использованные Марковым при строительстве Касра, можно также видеть в других его работах: в спортивном комплексе Амджадийе и в планировке сахарного завода в Варамине.

Родословная отличительной формы *хафт-о-хаши* с ее узловым спицеобразным планом⁸ берет начало в революционном тюремном здании под названием Восточная государственная тюрьма (Eastern State Penitentiary) (Илл. 9), построенном в 1829–1836 гг. в Филадельфии — городе, где доминировали квакеры, «до крайности влюбленные в пенитенциарную систему» [Pierson, 1938, p. 458]. Схема Восточной тюрьмы состояла из одной ступицы в центре, соединенной с семью спицами, — каждая с двойным рядом ячеек. Схема «ступицы и спицы», иногда называемая «паноптиконом», позволяла вести частичное наблюдение из одной центральной точки и впоследствии оказала влияние на планировку тюрем во всем мире. Проект был также продуктом развивающегося исправительного подхода к тюремному заключению, спонсируемого квакерами, а именно «Филадельфийским обществом облегчения страданий государственных тюрем» [Johnston, Finkel, Cohen, 1994, p. 26], искавшим способы не просто наказывать, но и исправлять преступников⁹.

7 Тюркская династия правителей Ирана, находившаяся у власти с 1795 по 1925 гг.

8 Из четырех ступиц, служащих для охраны, расходятся коридоры камер. При этом двери камер также видны из ступиц.

9 Интересно, что общество пользовалось поддержкой российских благотворителей [Johnston, Finkel, Cohen, 1994, p. 26].

Илл. 9. Планы «крестов». Восточная государственная тюрьма (Филадельфия, 1821). Следственный изолятор № 1, или «Кресты» (Санкт-Петербург, 1884), тюрьма Каср (Тегеран, 1929)
Из личного архива автора

Одиночные камеры, препятствующие общению между заключенными и поощряющие размышления, рабочие и тренировочные зоны и другие нововведения, воплощенные в Восточной государственной тюрьме, станут международными стандартами для тюрем, или «пенитенциариев» и «исправительных учреждений», как их теперь стали называть. Одним из многочисленных потомков Восточной тюрьмы является и Следственный изолятор в Санкт-Петербурге (Илл. 9) — тогда и сейчас крупнейший в Европе. Как и в случае с Восточной тюрьмой Санкт-Петербургский «Следственный изолятор № 1» официально не содержал в названии слова «тюрьма».

Будучи студентом-архитектором в Санкт-Петербурге, Марков мог быть знаком со «Следственным изолятором № 1» — передовым для своего времени сооружением. Более того, архитектор этой тюрьмы Антоний Томишко (Antonín Tomiška, 1851–1900 гг.) учился и преподавал в Императорской Академии художеств, где впоследствии учился Марков. Томишко был представителем неовизантийской архитектуры, которой восхищался сам Марков. Вместо одного колеса со спицами и ступицей, как в Восточной тюрьме, Томишко спланировал для Крестов в Санкт-Петербурге две отдельные ступицы с четырьмя спицами: два X, или крестика, откуда и

народное название тюрьмы — «Кресты». Форма креста была выбрана не случайно, а являлась частью того же религиозно-реформистского наследия, что и Восточная тюрьма. Между двумя крестами стоит большой собор неовизантийского, или русского возрождения и так же, как в Касре, есть своя мечеть. Для тюрьмы Каср Марков, по-видимому, объединил два христианских креста, создав взаимосвязанный проект *хафт-о-хаит*. Если за Касром действительно стоит такая генеалогия планировки, то это один из нескольких примеров того, как Марков «ненаароком» ссылается на русский прецедент и популярный в дореволюционной России неовизантийский стиль.

Многие из бывших союзников Реза-Шаха оказались в Касре. За ними в конце 1920-х последовали первые иранские коммунисты, организовавшие забастовки, а в конце 1930-х — левые рабочие и интеллектуалы, составлявшие после Второй мировой войны ядро партии Туде [Buchanan, 2013, p. 44]. Через Каср прошло так много известных людей, что **тюрьма стала культурной иконой**. И точно так же, как предпочитаемый Марковым профиль кирпича ввел в персидский язык термин «кирпич Маркова», так и архитектура тюрьмы Каср привела к появлению нескольких новых выражений, хотя и в

Илл. 10. Восьмиступенчатый свод зир-е хашти в тюрьме Каср. Фото © Л. Раванди-Фадаи

Илл. 11. Входная лестница, ведущая в восьмисводчатую ступицу тюрьмы Каср
Фото © Л. Раванди-Фадаи

основном среди преступного мира. Во-первых, использованный Марковым сводчатый Каджарский вестибюль, соединяющий сотовые блоки, являлся сторожевой будкой и наблюдательным пунктом, а также первым местом, куда входили новые заключенные. Поскольку потолки там имели восемь ребристых сводов (Илл. 10), выражение *зир-е хашт* (буквально «под восемью») стало означать «за решеткой» [Ahmadi, Abdolali Hosseiniyun, 1387/2008, p. 74; Интервью с сотрудником музея Каср].

Второй термин, связанный с Каджарским вестибюлем, — *зир-е хашти* (дословно — «под восьмеркой»)¹⁰, т. е. заключенный, желающий сотрудничать с тюремными властями, обычно для сокращения срока, или стукач. Происхождение слова *зир-е хашти* связано с тем, что охранники и администраторы размещались в концентраторах с семью потолочными сводами [Ahmadi, Abdolali Hosseiniyun, 1387/2008, p. 74]. Еще один пример влияния тюрьмы Каср на преступный язык — выражение *аб-е хонак хордан* («пить прохладную воду» или «получить удар прохладной водой»), означающее «быть отправленным в тюрьму». Оно возникло в результате того, что сразу же после прохода под

восьмиступенчатой ступицей заключенного обмывали холодной водой из проходящего под ней небольшого канала (Илл. 11) [Интервью с сотрудником музея Каср].

Сегодня Касрская тюрьма является частью музейного комплекса «Касрский сад-музей» с экспонатами, рассказывающими об истории этого места и содержащихся там заключенных, а также с информацией о самом Маркове. Проходя по музею, поражаешься красоте здания, тому, как близко оно соответствует описанной Фуко эволюции тюремной архитектуры: «тяжесть старых “домов безопасности” с их крепостной архитектурой... заменяется простой, экономичной геометрией “дома уверенности”» [Foucault, 1995, p. 202]. Удивляет также теплота, с которой отнеслись здесь к архитектору-проектировщику тюрьмы: в комплексе даже есть кафе «Галерея Маркова», где можно выпить кофе и послушать поэтические чтения. Само кафе напоминает кофейни в кампусах американских колледжей и имеет страницу на Facebook. Привлекательная эстетика, иранские архитектурные приемы и гуманистические традиции, унаследованные от квакерского тюремно-реформаторского движения, — все это, похоже, объединилось, чтобы

10 В персидском языке так стали называть помещения перед входом во внутренние части зданий, предназначенные для приема и распределения посетителей.

Илл. 12 (а, b). Храм Николая Чудотворца в Тегеране и Храм Благовещения на Житном дворе в Москве
Фото © Л. Раванди-Фадаи (слева), © Музей архитектуры им. А. В. Щусева (справа)

завоевать сердца иранцев или, по крайней мере, разработчиков музейного комплекса.

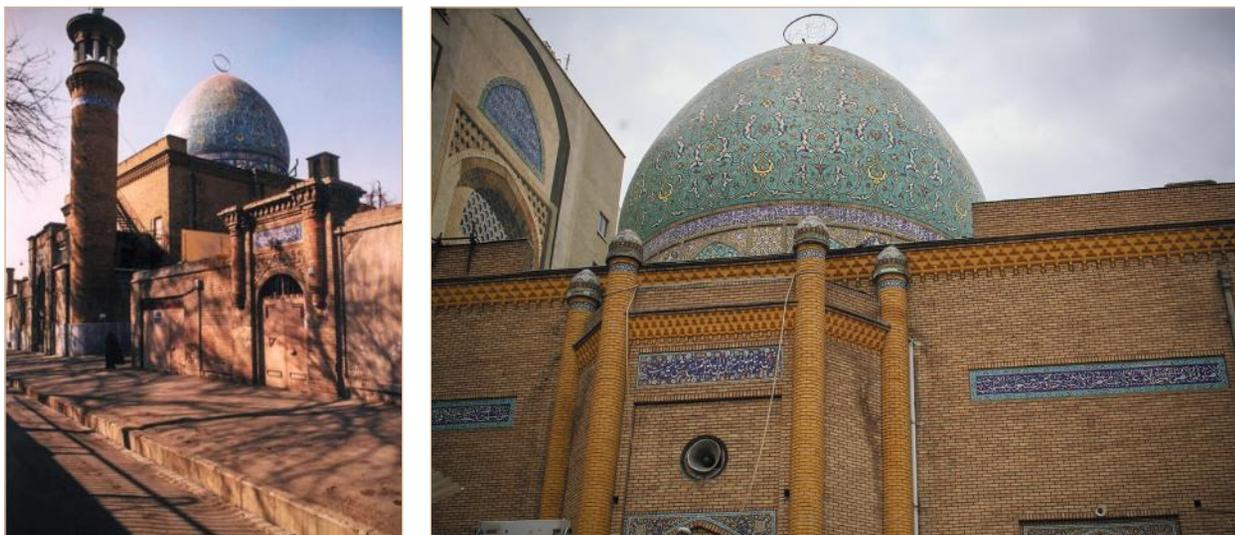
Привлекательность структуры Касра особенно выделяется на фоне здания рядом — тюрьмы для политзаключенных, построенной в 1950 г. Ее грубая коробка никоим образом не учитывает Каджарские сады или ранее существовавшую планировку участка, а также не имеет места для занятий спортом или отдыха [Sadeghi, 2013, p. 559]. В то время, как дизайн тюрьмы Маркова отражает современную, «превентивную, утилитарную, исправительную концепцию» тюремного заключения, грубая и непривлекательная политическая тюрьма архитектурно представляет собой «старый монархический закон» [Foucault, 1995, p. 130]. Этот контраст, возможно, и объясняет симпатию к русскому архитектору, очевидную при реставрации и осмотре экспонатов в Музее-саду Каср.

Запад и Восток в архитектуре Маркова: строительство мечетей и церквей

Идея об учреждении в Персии храма Русской Православной Церкви принадлежала Петру Великому (1682–1725 гг.). В 1864 г. по ходатайству 3-го Азиатского Департамента МИДа Императора Александр II (1855–1881 гг.) указом повелел

назначить в Тегеран постоянного посольского священника в Российскую императорскую миссию. Первый типовой православный храм в Тегеране был построен в 1886 г. при посланнике А. А. Мельникове в загородной резиденции российского посольства в Зарганде и был посвящен Александру Невскому. Материал, из которого строилась церковь, был доставлен из Российской Империи. Церковные кирпичи были такого качества, что, когда в 60-х гг. советский посол Анатолий Сафронович Зайцев приказал снести здание храма, иранские рабочие разбирали церковь вручную, а затем выгодно продавали строительный материал [Александр, 2002, с. 75].

После персидско-иранского договора 1921 г. все имущество Российской Империи вместе с церквями отходило Советскому правительству. Прихожане стали собирать деньги на возведение нового храма и обратились к Маркову с просьбой построить русскую православную церковь недалеко от станции метро Талегани и армянский храм на улице Кавама Солтане (позднее улица Сталина) вблизи центральных ворот советского Посольства [Александр, 2002, с. 138]. Необходимо отметить, что Марков долгие годы был старостой построенной в Тегеране по его проекту православной церкви, где основал на свои средства приют для беженцев из СССР.

Илл. 13 (а, б). Мечеть Амин-о-Доуле, построенная Марковым в Тегеране в 1945 г.

Фото © Л. Раванди-Фадаи

По словам сына, при строительстве Храма Николая Чудотворца Марков взял за образец церковь, находившуюся в Кремле (Илл. 12). Мне удалось найти в Архиве истории Москвы фото этого храма — Храма Благовещения на Житном дворе, разрушенного большевиками в 1938 г.

Однако самым удивительным в карьере Маркова представляется тот факт, что ему, православному человеку, поручили строить мечети в исламской стране. Среди его самых выдающихся работ в этой области — мечеть Амин-о-Доуле (Илл. 13), построенная с 1945 по 1949 год в честь премьер-министра эпохи Каджара. Ее история началась с обращения к Маркову дочери Мозаферрид-дин шаха Каджара (правил в 1896–1907 гг.) — принцессы Ашраф. Принцесса выбрала Маркова, так как ранее он уже работал с членами ее семьи. Впоследствии она жила напротив мечети, где Марков специально выделил для нее целый этаж [Daniel, Shafei, Soroushiani, 2004, p. 154–155].

Однако проект мечети был полон противоречий, возможно, из-за некоторых необычных для традиционной мечети деталей. Именно в этой постройке Марков использовал архитектуру иранской мечети, сочетая ее с византий-

скими элементами. Мечеть Амин-о-Доуле была сделана в зеркальном стиле, но посередине был расположен не свойственный для Ирана купол и низкие минареты. Хотя традиционно в иранских мечетях строили высокий купол, привлекающий внимание народа, здесь было наоборот: низкий купол и минареты не были видны вне территории мечети.

Также обращали на себя внимание декоративные колонны и выпуклая стена у входа, придающие мечети диковинный вид. В то время как Марков снова использовал свои излюбленные материалы — кирпич и декорированную плитку, он значительно отошел от образа канонической персидской мечети. Мечеть, не соответствовавшую иранским стандартам, пришлось перестраивать. В частности, в результате реконструкции был поднят купол и удален этаж для принцессы [Daniel, Shafei, Soroushiani, 2004, p. 152].

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ МАСТЕРА

Ближе к концу карьеры Марков несколько отошел от своего консервативного подхода и начал включать в жилые дома стальные конструкции — скорее из-за финансовой

необходимости, чем из соображений вкуса. В 1940-е гг. Марков был также вынужден зарабатывать подрядными работами. Будучи идеалистом, архитектор финансово вкладывался в свои работы, вследствие чего вскоре разорился. В состоянии депрессии из-за банкротства Марков уничтожил большую часть своего архива. Возможно, это произошло, потому что в отличие от художника или поэта, зодчий тысячами нитей связан с экономическими и социальными особенностями страны, где воплощаются его замыслы.

Марков скончался 19 июля 1957 г., тело перед захоронением отпевали в Свято-Троицкой Церкви. Другой русский ссыльный, живущий в Берлине, написал, узнав о смерти Маркова: «Марков был кристально чистым человеком, глубоко образованным и влюбленным в Персию — язык которой он прекрасно знал; и все же он очень любил Россию, поэтому предпочел покинуть ее. Он мучился за русский народ, считая, что он разделяет вину... за все, что произошло» [Флейшман, 2012, с. 434–436].

Сын зодчего Алексей Николаевич Марков (1927 г. р.), также жил в Тегеране и вслед за отцом избрал профессию архитектора. После исламской революции Алексей Николаевич с семьей переехал в Лондон. В Иране живых потомков Маркова не осталось: дочь Тамара уехала в Южную Африку еще в конце 1940-х [Горелик, 2007, с. 95], а Наталья — в Брюссель.

После уничтожения Марковым архива его детям досталось лишь малая часть рисунков: несколько акварелей с изображением персидских казаков, небольшая перспектива Альборз-колледжа и другие скромные изображения. Но в воспоминаниях потомков отчетливо сохранились прекрасные чертежи, некогда висевшие на стенах кабинета архитектора и свидетельствующие о его архитектурном и художественном гении.

Марков прожил в Иране почти половину жизни: вернуться в Россию он не мог из-за политических взглядов. Чувство тоски по утраченной родине и любви к приемной стране нашли от-

ражение в работах архитектора: в них то и дело переплетаются элементы русской, персидской, западной и византийской традиций. Это сочетание, придававшее его работам удивительное равновесие между требованиями нового времени и сохранением старых традиций, стало визитной карточкой архитектора Николая Маркова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александр, игум. (Заркешев). *Русская православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001 гг)*. Санкт-Петербург: Сатисъ, 2002. — 208 с. [Aleksandr, Abbot (Zarkeshev). *Russian Orthodox Church in Persia-Iran (1597–2001)*. Saint Petersburg: Satis, 2002. — 208 p.]

Алиев С. М. *История Ирана. XX век*. М.: Крафт+, ИВ РАН, 2004. — 648 с. [Aliyev S. M. *History of Iran. 20th century*. Moscow: Kraft+, IOS RAS, 2004. — 648 p.]

Дело канцелярии Императорской Академии Художеств. Российский государственный исторический архив. Заказ 181. Ф. 789. Оп. 12 (1901). Д. 92–И. 62 л. [Case of Chancery of Imperial Academy of Arts. Russian State Historical Archive. Zakaz 131. Fund 789. Op. 12 (1901). File 92–I. 62 p.]

Горелик Б. М. *Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня*. Москва: Институт Африки РАН, 2007. — 262 с. [Gorelik B. M. *Russian Immigration into South Africa: Yesterday and Today*. Moscow: Africa Institute of the RAS, 2007. — 262 p.]

Раванди-Фадаи Л. М. Вклад русского архитектора в неповторимый облик Тегерана. Ирано-Славика. М.: ИВ РАН, 2015. № 1 (28). С. 38–40 [Ravandi-Fadai L. M. The Contribution of the Russian Architect to the Unique Appearance of Tehran. *Irano-Slavika*. Moscow: IOS RAS, 2015. No. 1 (28). Pp. 38–40].

Раванди-Фадаи Л. М. Культурные связи России и Ирана (на примере творчества Маркова). *Россия и страны Востока: Векторы взаимодействия и сотрудничества*. Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: Гилем, 2014. С. 104–107 [Ravandi-Fadai

L. M. Cultural Ties Between Russia and Iran (on the Example of Markov's Work). *Russia and the Countries of the East: Vectors of Interaction and Cooperation*. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Ufa: Gilem, 2014. Pp. 104–107].

Флейшман Л. Из Истории журналистики русского зарубежья. К биографии В. М. Деспотули (по письмам его к К. Г. Кромиади). *История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой*. М.: Новое издательство, 2012. С. 371–449 [Fleishman L. From the History of Russian Journalism Abroad: Biographical Materials of V. M. Despotuli (His Correspondence with K. G. Kromiadi). *A History of Literature, Poetics, and Cinema: an anthology in honor of Marietta Omarovna Chudakova*. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2012. Pp. 371–499].

Ahmadi J., Abdolali Hosseiniyun S. *Farhang va estelabat-e زندان va zendaniyan-e siyasi qabl az enqelab* [Prison Culture and Expressions of Political Prisoners Before the Revolution]. Tehran: Shahed, 1387/2008. — 142 p.

Buchanan J. *Days of God: The Revolution in Iran and its Consequences*. New York: Simon & Schuster, 2013. — 432 p.

Butler A. 9th International Prison Congress. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1925–1926. 16 (4). Pp. 602–609.

Daniel V., Shafei B., Soroushiani S. *Nikolay Markuf: Majmu'a-i mi'mari-i Dauran-e Tabavvul Dar Iran* [Nikolai Markov Architecture: Architecture of Changing Times in Iran]. Tehran: Did Publications, 2004. — 165 p.

Diba F. *Mohammad Mossadegh: A Political Biography*. London: Routledge Kegan & Paul, 1986. — 228 p.

Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Translated by Alan Sheridan. New York: A Division of Random House, 1995. — 333 p.

Johnston N., Finkel K., Cohen J. A. *Eastern State Penitentiary: Crucible of Good Intentions*. Philadelphia: Philadelphia Museum of Art, 1994. — 116 p.

Pierson G. *Tocqueville and Beaumont in America*. New York: Oxford University Press, 1938. — 852 p.

Ravandi-Fadai L. Between Native and Exile: Cossack Brigade Fighter and Architect of Tehran — Nikolai Lvovich Markov (1882–1957). *Russians in Iran. Diplomacy and Power in Iran in the Qajar Era and beyond*. Eds. Matthee R., Andreeva E. London, New York: I. B. Tauris, 2018. Pp. 217–240.

Sadeghi S. A Concealed Garden: Critical View on the Restoration of Ghasr Prison, Tehran, Iran. Paper delivered at the conference “*Built Heritage 2013 Monitoring Conservation Management*”. Milan, 2013. Pp. 560–561.

